

КОНЦЕПТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК: 61 (091): 101. 1

И.А. ТРУШИНА

*Непосредственной данности нет, а есть интуиция:
интуиция – Слово, создавшее мир.*

Андрей Белый

Подобно тому, как в важные часы судьбы перед взором человека пролетает вся его жизнь, есть эпохи, когда перед духовным взором современников проносится вся история человечества. Это время переходных состояний общества, когда устойчивые признаки определенного типа культуры разрушаются, а признаки возникающего нового типа проявляют себя смутно, лишь в тенденции. В это время начинается процесс самоанализа, самокритики, в результате которого выявляется ценностное содержание клонящейся к закату культуры. Таким периодом в России стал Серебряный век.

Серебряный век – это сложное идейно-эстетическое образование, в чем-то противоречивая, но пронизанная неким единством система. Он сложился в определенных конкретно-исторических условиях, вызвавших к жизни уникальное, неповторимое миропонимание, которое содержало в себе и возрождение духовного опыта Средневековья, и, одновременно, открытость в будущее, поиск новых форм и способов организации бытия. «Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму» [5]. В противовес предыдущей эпохи, в которой преобладал позитивизм, ориентация на рационализм, науку, в мировоззрении Серебряного века важное место заняли религия и искусство. Главной составляющей в формировании нового типа культуры выступила вера, а не разум, ибо в России искали не просто новые ценности и новые идеалы, а ценности «вечные» – «абсолютное добро», «вечную и нетленную красоту». Осмысливая многовековую историю России и Запада, представители религиозного возрождения критично оценивали западный путь развития. Они счи-

тали, что принятая за идеал европейская модель стала причиной того, что в России оборвалась традиция древнерусской культуры, закреплённая в литературных, философских, богословских источниках, в иконописи, орнаменте, храмовом зодчестве. В результате того, что было отдано явное предпочтение цивилизации в ущерб культуре, внутренний мир, душа человека оказались в забвении и запустении. Таким образом, культурная парадигма прозападной ориентации была признана исчерпанной, начался поиск новых источников в языке, религии, философии, литературе, в том числе, и через возрождение русской средневековой традиции. Спасение России виделось в восстановлении идей христианства как фундамента всей культуры, в возрождении и утверждении ценностей религиозного гуманизма, истоки которого искались в русском Средневековье.

Обращение к Средневековью не являлось случайным – для кризисного мироощущения конца XIX – начала XX века многие концепты этой культуры были близки и понятны. Так, характерна для Средневековья эсхатология, вот этот промежуток «внутренне противоречивого уже-но-еще-не, между тайным преодолением мира и явным концом мира был сродни культуре Серебряного века» [1]. Во многом, именно он стал идейной предпосылкой репрезентативно-символического мировоззрения этих эпох. «Вся средневековая культура аллегорична и символична» – писал С. Аверинцев [1]. Мир, в котором существовал средневековый человек, осознавался им как символический, как некая иносказательная фигура. Средневековая христианская культура сделала аллегорию и символ основой понимания и описания тварного мира. Аллегория в средневековых текстах позволяла обнаружить и вывести на передний план какую-либо неочевидную идею или некий скрытый смысл через их косвенное описание. Так, мастера толкований эпических, религиозных, философских и художественных текстов способны

были создавать целые гирлянды аллегорий, не только украшающих их тексты, но и проливающие дополнительный свет на присутствующие в них глубинные смыслы [2]. Аллегория является ключевым понятием средневековой философии, особенно восточной патристики. Аллегореза в произведениях патристических авторов выступает, фактически, в качестве специфического философского метода. Отцы Церкви продолжили античную традицию использования аллегорической интерпретации, но уже по отношению к тексту Библии. Эти тенденции нашли свое продолжение в русской средневековой культуре, многие концепты которой стали источниками вдохновения русского ренессанса конца XIX – начала XX веков.

Древнерусская богословско-философская мысль стала предметом пристального внимания представителей культуры Серебряного века и одним из наиболее важных открытий этого периода. Ведь в русском Средневековье был выработан совершенно новый тип философии – и по форме, и по содержанию. В патристике саму христианскую жизнь и мысль Отцы Церкви называли и понимали как философию, но не просто как любовь к мудрости, а любомудрие по Христу, то есть теоретическое развитие и практическое воплощение принципов божественного Откровения Нового Завета, воплотившегося Логоса и Премудрости (Софии) Божией. Именно такое понимание философии и нашло свое продолжение в русской культуре. Для отечественной философии характерен аллегоризм и рассредоточение ее во всем контексте культуры, тяготение к живому, яркому слову, отказ от нагромождения тяжеловесных конструкций, особый интерес к нравственной, антропологической, исторической тематике. Благодаря аллегоризму средневековой русской философии ей удалось избежать абстрактности, схоластичности, стремления к получению чистого философского знания. Философ в русской средневековой традиции есть не удалившийся от мира высокопрофессиональный интеллект, но, прежде всего, просветитель, подвижник, исповедник, несущий в мир не отвлеченные теоретические схемы, но вырабатывающий открытое для всех жизнестроительное учение [7].

Не менее важное влияние на характер русской философии оказал тот факт,

что ее источниками в равной степени были не только тексты, но и другие виды искусства: иконопись, храмовое зодчество, произведения пластики. Именно такой подход и дал возможность в начале XX века иначе взглянуть на русскую культуру. Впервые в таком ключе о языке древнерусской культуры начал писать во втором десятилетии прошлого века Е.Н. Трубецкой [13]. Чуть позже говорил о семантике иконописного языка в знаменитом трактате «Иконостас» Павел Флоренский [14].

В 1913 году в Москве в Деловом дворе на Варварской площади была открыта грандиозная выставка древнерусского искусства, которая явила взорам зрителей весь этот прекрасный, сияющий яркими красочными тонами «умный космос» чистых идей, лишенных тяжести плоти. Это был период, когда русская икона была заново открыта, ибо по-настоящему, в начале XX века средневековая иконопись была еще мало знакома. Тот же Е.Н. Трубецкой писал: «Икона остается у нас сплошь да рядом предметом того поверхностного эстетического любования, которое не проникает в ее духовный смысл... Открытие иконы... на наших глазах, можно сказать, только начинается. Когда мы расшифруем непонятный доселе и все еще темный для нас язык этих символических образов, нам придется писать заново не только историю русского искусства, но и историю всей древнерусской культуры» [13]. Именно в древней русской иконописи Е.Н. Трубецкой искал новые неведомые пласты истории и культуры России, которые являлись источникам, питавшим духовную жизнь народа.

Древнерусская средневековая философия, которая формировалась и выражалась в святоотеческой письменности, имела еще одну особенность, роднившую ее с культурой Серебряного века, – она само слово сделала текстом. Словесная ткань средневекового произведения, в силу его аллегоричности, была многомерной. Столкновение многих значений потенциально многозначного слова-аллегии создавало необходимую художественную глубину целостного текста, который как бы рождался непосредственно в тексте, переходя в символ, и вместе с тем возникало нетривиальное прочтение символа, который и сегодня может варьировать в широких

пределах смысла. Контекстное совмещение прямого значения слова с переносным создавало символический смысл формулы в целом, аллегория переходила в символ. Так, например, древнерусский мыслитель Епифаний Премудрый – превосходный мастер символического и аллегорического толкования притч, сплетал слова в их горизонтальном и вертикальном соответствии; горизонтальная последовательность слов дана как традиционная формула, а вертикальное их наложение образовывало новые смежности» [10]. В текстах не менее выдающегося мыслителя Св. Кирилла Туровского читаются и горизонтальные, и вертикальные ряды слов в их взаимном соответствии, позволяя выявлять все новые признаки высказывания. Выход на «вертикаль» словесного плетения позволяла преодолеть ограничения линейного членения традиционных формул. Возможностей прочтения было множество, особенно учитывая многозначность древнерусского слова. Здесь неизбежно актуализировалась проблема «иерархий» смыслов, а «плетение словес» обнаруживало свою прямую, непосредственную связь с постижением Текста (ибо буквально слово «текст» и означает «плетение») [10]. Это «приращение смысла» в поэтической формуле А.А. Потенба называл символическим уподоблением.

Вот эти неведомые, едва уцелевшие пласты древнерусской культуры и стали предметом пристального внимания философов и литераторов Серебряного века. В древнерусской письменности, иконописи, во взаимосвязи религии, философии и искусства, средневековом аллегоризме, а также в возможности дальнейшего его углубления и переходе к символизму искался ответ на вопрос о построении нового мировоззрения, новой философии, нового искусства. Именно в таком типе осмысления реальности, в таком типе философствования открывался богатейший источник создания нового языка, который бы соответствовал новому мировоззрению, интерес к которому был четко обозначен в творчестве мыслителей Серебряного века.

Для Серебряного века в целом был характерен огромный интерес к проблеме языка. Именно этот период религиозной жизни России связан с имяславием. В этом

движении в учении богословов, философов слово поднимается не невиданную до этого высоту. С философским осмыслением идей имяславия связано творчество А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, П. Флоренского. Но особенно полно интерес к слову был представлен в творчестве символистов, и, особенно, младосимволистов, которые ставили перед собой задачу создания языка, который мог бы достоверно выразить то новое мироощущение, новое сознание, которое возникает в период рубежа эпох. В этом языке должно было найти свое выражение не только человеческое, но и божественное измерение бытия. В поисках прообраза такого языка символисты обращаются к эпохе русского Средневековья, древнерусской письменности, аллегорезе и религиозной символической поэзии. Это поразительный случай в гуманитарном знании, когда теоретические вопросы языкознания нашли применение в художественном творчестве поэтов и писателей. Философия языка, считали символисты, вскрывает тот символический потенциал, который позволяет естественному языку играть роль мирозозидающей силы. У А. Белого одним из основных концептов становится тезис о языковой относительности: язык – это нечто относительно самостоятельное по отношению к умственной деятельности, исторически независимое от нее, формы творчества в языке во многом отличны от форм умственного творчества вообще. Изменение языка со временем, считал А. Белый, отражается на образе мышления, а появление нового языка, будет прямым свидетельством нового мировоззрения. Младосимволисты провозгласили «культ слова», и «слово-аллегория», «слово-символ» обрело значение магической силы и последней надежды человечества: «Мы еще живы – но мы живы потому, что держимся за слова», – писал Андрей Белый [3]. Русский философ и поэт серебряного века Вяч. Иванов видел в символизме искусства упреждение той предполагаемой, собственно религиозной эпохи языка, где господствуют две раздельных речи – речь об эмпирических вещах и отношениях и иератическая речь пророчеств о предметах и отношениях высшего порядка [8].

Для Серебряного века суть искусства состояла в выражении смысла бытия, а для этого оно должно было стать рели-

гиозным по содержанию и символическим по форме, каким оно, по сути, и было в Средневековье. Его главной функцией признавалась творчески-преображающая, так как «в искусстве человечеству через посредство феномена гения даны законы преобразования жизни в процессе софийно-теургического творчества. Личное, индивидуальное творчество может активно способствовать преобразованию мира, если оно органично вписано в структуру соборного сознания человечества, питается им и питает его своей энергией» [6]. В этом контексте искусство представляло как результат боговдохновенного творчества, а художник – как Богом избранный глашатай и проводник духовных образов, выражаемых исключительно в аллегорической и символической форме, как теург, действиями которого руководят божественные силы. Так в начале XX века усилиями русской религиозной философии возрождается понятие «Слова-Софии». Религиозное творчество представлялось идеальной парадигмой, на основе которой должна не только строиться человеческая жизнь и культура будущего, но и «завершаться процесс творения мира усилиями художников-творцов-теургов под непосредственным руководством Софии» [6]. Поэтому сущностным ядром философских построений этого периода была теургическая эстетика и софиология как «учение

о креативно-творческой роли и функциях Премудрости Божией, полисемантического личностно-безличностного феномена, объединяющего трансцендентный и имманентный уровни бытия» [6]. В образе Софии ярко проявились особенности русского религиозного сознания, порождением которого явилась, созданная в Средневековье, стройная картина «Софийного космоса», расположенного между миром земным и миром божественным.

Диалог древнерусского и символистского концептов по-разному звучит в творчестве многих писателей Серебряного века, но он, безусловно, стал одним из основных источников, в котором черпали свои идеи и вдохновение художники и мыслители рубежа веков. Идеи и концепты древнерусской культуры в этот период не просто обретали вторую жизнь, но получали свое развитие на новом историческом уровне. Представителями религиозного возрождения восстанавливалась культурная традиция, уходящая своими корнями в глубокую древность, давая совершенно иное измерение всем существующим формам мировоззрения, открывая новые горизонты для будущего развития. А обращение к концептам русской средневековой культуры помогло выработать культуре Серебряного века свои собственные характеристики, делающих ее неповторимой и уникальной.

1. Аверинцев, С. Символика раннего Средневековья. (К постановке вопроса) [Текст] / С. Аверинцев. – Семiotика и художественное творчество: сб. ст. – М.: «Наука», 1977. – С. 337.
2. Бачинин, В.А. Постмодернизм и христианство [Текст] / В.А. Бачинин // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 162–171.
3. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – С. 528.
4. Белов, В.Н. Философия: Зарождение русской философской мысли и ее особенности [Текст] / В.Н. Белов // Саратов. Православие и современность. – 2009. – С.51–56.
5. Бердяев, Н. Самопознание [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990. – С. 129, 153.
6. Бычков, В.В. Эстетика Серебряного века [Текст] / В.В. Бычков // Вопросы философии. – 2007. – № 8.
7. Громов, М.Н. Необходимость новой методологии исследования [Текст] / М.Н. Громов / История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 449–450.
8. Иванов, В.И. Родное и вселенское [Текст] / В.И. Иванов. – М.: Республика, 1994. – С. 206–207.
9. Киселёва, М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности [Текст] / М.С. Киселева. – М., 2000. – С. 256.
10. Колесов, В.В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка [Текст] / В.В. Колесов // ТОДРЛ. – 1996. – Т. 50. – С. 94.
11. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А.Ф. Лосев. – М., 1982. – С. 480.
12. Неретина, С.С. История, миф, время, загадка [Текст] / С.С. Неретина. – М., 1994. – С. 154.
13. Трубецкой, Евг. «Три очерка о русской иконе» [Текст] / Е. Трубецкой. – Новосибирск, 1991. – С. 98.
14. Флоренский, П. Иконостас [Текст] / П. Флоренский // Богословские труды. Т. XI. М., 1972. – С. 192.
15. Хоружий, С.С. После перерыва. Пути русской философии [Текст] / С.С. Хоружий // Синергия. – СПб., 1994. – С. 33–50.